

Виктор ГОРБАТКО, дважды Герой Советского Союза, лётчик-космонавт СССР, космонавт первого отряда космонавтов, ровесник и товарищ Ю.А. Гагарина. В космос летал три раза.

— С Юрием Гагариным я познакомился ещё в октябре 1959 года, когда начался отбор в первый отряд советских космонавтов.

2 октября я одним из первых прибыл в госпиталь и заселился в палату, рассчитанную на четверых. 5 октября в палату заходят двое. Один из них представился: «Старший лейтенант Гагарин», а я назвал своё имя.

Вот так мы с ним познакомились, а затем вместе проходили медкомиссию. Всего для прохождения комиссии было направлено 400 человек, из которых отобрано было сначала 12, а потом ещё 8 человек.

В феврале 1960 года нас повторно вызвали на комиссию. И мы уже были как старые знакомые — Гагарин, Леонов, Попович, Быковский, Николаев и другие.

7 марта 1960 года прямо из палат собрали и повезли к Главкому ВВС — маршалу авиации Константину Аршинину (если мне память не изме-

няет). Он с нами побеседовал и сказал: «Вы зачислены в отряд советских космонавтов. Езжайте по частям и возвращайтесь уже с полным расчётом».

14 марта нас вновь всех собрали, и началась подготовка. Занятия были очень интенсивными. Всё, на что была способна медицина, всё из нас выжимали. Мы прошли теоретический курс и практический — прыжки с парашютом.

Затем, в октябре 1960 года, нас собрали в актовом зале и сказали, что с нами будет познакомиться Сергей Павлович Королёв. Когда он вошёл, мы все встали, он говорит: «Садитесь, орёлики». Мы сели. Началось знакомство. Гагарин был первый, к кому он обратился. Его Королёв расспрашивал больше всех. Видимо, уже с первых дней у командования, у врачей, у инструкторов и всех, кто с нами работал, о Юре сложилось особое мнение. После знакомства с Гагариным Королёв пошёл по списку: Аникеев, Бондаренко, Быковский и так дошёл до меня.

В первый отряд космонавтов вошли 12 человек. После беседы с Королёвым нас поделили. В первую шестёрку вошли: Гагарин, Титов, Николаев, Попович, Быковский и сначала Карташов, а затем вместо Карташова — Нелюбов. Я вошёл во вторую шестёрку. Начались тренировки. Нашу группу готовили по той же программе, что и первую, только с небольшим отставанием.

Мы все знали, что первым полетит кто-то из первой группы. Я даже как-то сказал Леонову, что Гагарин первый кандидат, так как он всё время шёл немного впереди всех.

23 марта у нас произошла первая потеря — погиб Валентин Бондаренко. Он сгорел в сурдобарокамере во время тренировки. Первая группа полетела на Байконур, а наша занялась похоронами.

Перед полётом нас распределили по НИИ, которые находились по всему Советскому Союзу, для связи с кораблём. Меня оставили в Москве, в центральном пункте управления, который тогда находился в Болшеве, на территории НИИ-4. Мы все готовились к пуску, ждали команды. От ЦК КПСС на наш пункт приехал Дмитрий Фёдорович Устинов. Всё было настолько засекречено, что, когда Устинов вдруг спросил, как полное имя Гагарина, никто точно не мог назвать его отчество — Алексеевич или Александрович. Позвали меня к Устинову. Я тоже не был уверен, ведь мы друг друга звали по именам, без отчества. Я застенялся и говорю: «Кажется, Алексеевич». Стали звонить в Москву, оттуда в Центр подготовки, там подняли его личное дело и уточнили, что всё-таки Алексеевич.

После пуска была такая радость, что мы с товарищами зашли в кафе и выпили за здоровье Гагарина по пять граммов и стали ожидать его прилёта в Москву.

Конечно, в душе каждый из нас хотел полететь, но лично я искренне радовался, что этот полёт состоялся и что его выполнил Гагарин. Он всё-таки здорово выделялся среди нас. Я скажу, что выбор был правильный. Юра действительно оказался тем, кто должен был открывать планеты и просторы, находящиеся за пределами земной атмосферы.

12 апреля 1961 года вспоминает народный артист России, житель п. Валентиновка Лев ЛЕЩЕНКО.

— Лев Валерьянович, каким вы запомнили день 12 апреля 1961 года? Поделитесь, пожалуйста, с читателями газеты «Калининградская правда» вашими воспоминаниями.

— Конечно, я помню этот день. В том году я должен был пойти в армию и заканчивал свою трудовую деятельность на заводе точных измерительных приборов. Когда объявили о полёте, мы бросили работу и все вместе, почти весь завод, пошли на Манеж. И все, кто был на улицах, шли к Манежу. Хотелось как-то воссоединиться всем вместе. Людские потоки всё прибывали и прибывали. Вся Москва и вся страна ликовали. Возникали какие-то стихийные митинги, несли транспаранты «Советский человек в космосе!».

Это было общенародное ликование! У всех, у всего народа был такой очень серьёзный душевный подъём! А если учесть, что это произошло во время откровенной «холодной войны», то можно сказать, что в целом это был духовный подъём нации.

— Лев Валерьянович, а вам лично не приходилось встречаться с Юрием Гагариным?

— К сожалению, нет, мне не довелось, но мои друзья с ним общались — Иосиф Кобзон, Володя Винокур.

Хотя один раз, когда я был на каком то вечере, кажется, у композитора Фрадкина, Юрий Гагарин туда заезжал на несколько минут, и всё. Я не могу назвать это личным знакомством.

От всей души поздравляю всех королёвцев с праздником!

Наталья Сергеевна КОРОЛЁВА, дочь Главного конструктора С.П. Королёва, доктор медицинских наук, профессор, лауреат Государственной премии.

— Наталья Сергеевна, в этом году исполняется 55 лет со дня первого полёта человека в космос. Каким вы запомнили день 12 апреля 1961 года и какими были отношения между вашим отцом и Юрием Гагариным?

— Что касается взаимоотношений Сергея Павловича с Гагариным, то могу сказать, что они были очень хорошими. Сергей Павлович очень тепло относился к Гагарину, буквально считал его своим сыном. Ему нравилось, что он был очень сообразительным парнем и при этом очень ответственным. Если он за что-то брался, то доводил дело до конца. Сергей Павлович всегда говорил, что если Юре дать надёжное образование, то его имя можно будет увидеть среди ведущих учёных нашего столетия.

Я сама неоднократно наблюдала Гагарина в разных ситуациях — и на торжественных приёмах, и когда хоронили Сергея Павловича. У меня о нём сложилось самое хорошее впечатление. Во-первых, он действительно был очень простой и доступный в общении. Каждый человек мог к нему обратиться по любому поводу. Гагарин был очень отзывчивым.

После полёта к нему часто подходили, просили автограф. Он без всякого жеманства и зазнайства давал автографы. У него совсем не было так называемой звёздной болезни.

Я видела Гагарина во время пресс-конференции в МГУ на Ленинских горах. Это произошло буквально через несколько дней после его полёта. Меня поразило,

как легко он отвечал на вопросы журналистов. Причём не только наших, но и иностранных. Иногда эти вопросы были очень каверзными. А он, по сути, простой человек, сын плотника и крестьянки, без высшего образования, отвечал сразу, без чьей-либо помощи и подсказок. Причём умудрялся это делать даже с чувством юмора. Меня поразила его находчивость! Это было просто замечательно. И таким он был во всём.

У Королёва и Гагарина было полное взаимопонимание. Юра полностью доверял Сергею Павловичу, ни минуты не сомневался в том, что полёт пройдёт нормально, хотя это был первый полёт.

14 апреля 1961 года Москва встречала Гагарина. Этот день я могу сравнить с Днём Победы — 9 мая 1941 года. Мне тогда было 10 лет, и моя мама взяла меня с собой на Красную площадь. Что творилось на улицах! Это было невероятно — было такое народное ликование, просто потрясающее. Вот примерно так же было и в тот день, когда Москва встречала Гагарина. Весь народ, какой только мог ходить и двигаться, вышел на улицы, чтобы его приветствовать. Было действительно единение народа на волне грандиозного успеха. Этот полёт имел огромное политическое значение.

Я тогда работала в Боткинской больнице, и мы с коллега-

ми тоже пошли на Красную площадь. По дороге один из моих коллег спросил: «Интересно было бы узнать имя Главного конструктора, который запустил Гагарина в космос». Мне так хотелось сказать, что это мой отец, но я не могла этого сделать, потому что он был засекречен и его имя нельзя было называть, но моё сердце было переполнено гордостью.

Конечно, мы не попали на Красную площадь, но самое интересное, что Сергей Павлович тоже не попал туда. Он прилетел в Москву на сутки раньше Гагарина, встречал его на Внуковском аэродроме, и так как он был засекречен, то ехал на Красную площадь в одной из последних машин. Когда его автомобиль был на Манежной площади, толпа прорвала оцепление. Выйти из машины, чтобы пройти на трибуны, уже не было возможно-

сти, поэтому он смотрел митинг по телевизору.

Также из-за секретности он два раза не получил Нобелевскую премию — за первый спутник и за Гагарина. Когда комитет по Нобелевским премиям обратился к нашему правительству с просьбой назвать имя Главного конструктора, то оба раза Хрущёв ответил, что у нас создателем новой техники является весь народ. И Нобелевская премия не была присуждена никому.

Был ещё один эпизод, связанный с секретностью. В Кремлёвском дворце съездов праздновали очередной День космонавтики, и Сергей Павлович, который немного недослышал, хотел пройти в первые ряды, которые были предназначены для президиума торжественного собрания, но его туда не пропустили, сказав, что эти места для тех, кто имеет непосредственное отношение к этому празднику. Он, конечно, был очень обижен, но принимал это как должное. Для него самым главным было — дело. В те времена многие предприятия были секретными, не имели своих названий, и работающие там люди тоже были засекречены. Сергей Павлович свои статьи подписывал — профессор К. Сергеев.

Гагарин после полёта подарил моему отцу свою фотографию с надписью: «Дорогому Сергею Павловичу, космическому отцу, в знак искреннего уважения и благодарности».

Кончину моего отца он переживал как личную горе. Выступая 18 января 1966 года на Красной площади, он сказал: «Многим хорошо известен огромный талант, твёрдая воля и замечательные душевные качества

Сергея Павловича. Дружеское напутствие перед космическим полётом, деловые советы во время выполнения полёта, умение принять правильное решение в любой обстановке — всем этим обладал наш дорогой Сергей Павлович. Он провожал нас в космические полёты и встречал после возвращения на нашу родную советскую землю. Велико наше горе в этот скорбный час, велика наша утрата. Но все советские специалисты и космонавты будут неуклонно продолжать и развивать дело, которому отдал свою славную жизнь Сергей Павлович».

Меня иногда спрашивают: «Был ли Сергей Павлович теще-славным?» Наверное, был, но это теще-славие заключалось не в том, чтобы его хвалили (при жизни его не то что не хвалили, даже имя его никогда не упоминали), а в том, чтобы в космосе первым был наш космонавт и чтобы первый спутник — тоже был наш. Чтобы всё, что мы делали, было первым и лучшим в мире. При нём всё было сделано впервые и гораздо раньше американцев. Вся его работа была направлена на то, чтобы принести пользу своей стране, которую он очень любил несмотря ни на то.

От всей души поздравляю жителей родного мне города Королёва с Днём космонавтики и 55-летием первого полёта человека в космос. Это наш общий праздник. Желаю королёвцам новых успехов, научных открытий, доброго здоровья и благополучия!

Беседовала Инна РОЖДЕСТВЕНСКАЯ